

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова»
Институт зарубежной филологии и регионоведения
Кафедра французской филологии

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ОБРАЗЫ СНЕГА И ЗИМЫ В ПОЭЗИИ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ КВЕБЕКСКИХ И ЭВЕНСКИХ ПОЭТОВ)**

(Направление: 45.03.01 Филология

Профиль: Прикладная филология (французский язык и литература))

Допущен к защите:
зав. кафедрой ФФ,
кандидат филологических наук,
Самсонова М. В.

«2» июня 2020

Выполнил:
студент IV курса КФФ
ИЗФир
группы ФО-16-431
Шестакова Анастасия Егоровна

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, профессор КФФ
ИЗФир
Заморщикова Людмила Софроновна

Якутск 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	5
1.1. Понятие концепта в лингвистике	5
1.2. Типы концептов.....	9
1.3. Актуализация концепта в языке	13
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	15
ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «ЗИМА» И «СНЕГ» В ПОЭЗИИ СЕВЕРА.....	16
2.1. Концептуальные образы «зимы» и «снега» в квебекском и эвенском устном творчестве	16
2.2. Репрезентация физических свойств зимы и снега в поэзии.....	22
2.3. Особенности хронотопа при описании снега и зимы.....	30
2.4. Поэтическая концептуализация образов снега и зимы	35
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	47

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших категорий, которые характеризуют сознание человека, определяют социально-психологическую специфику общества, формируют основные параметры образа мира той или иной культуры является система координат по сторонам света. В современной науке сторона света – это одно из четырех основных направлений: север, юг, запад, восток. Канада и Россия являются географической точкой, обозначающей Северный полюс. По предположению ученых, Северный полюс в далеком прошлом находился на территории нынешней Канады. Северный магнитный полюс Земли до сих пор остается на территории этой страны: он сдвинут по отношению к Северному полюсу на полторы тысячи километров в сторону Канады.

Когнитивное описание языка тесно связано с культурологической интерпретацией, а когнитивная функция языка находит свое воплощение в языковой картине мира, которая основывается на специфических логико-языковых единицах — концептах. Концепты Севера — важнейшие составляющие национальной идентичности народов России и Канады.

На современном этапе развития языкознания в свете антропоцентрической парадигмы одним из важных является вопрос о способах языковой концептуализации мира в процессе познания, результаты которого отражаются в художественных текстах. На этом пути исследователи обращаются к описанию национально значимых концептов, раскрывают особенности словесно-образной репрезентации ментальных и духовных сущностей, природных объектов, описывают индивидуальные модели мира.

Однако остаются все еще мало изученными вопросы многогранности концептуального способа на фоне обыденного сознания, являющегося одним из его источников. Данный вопрос предлагается решить с учетом целостного фрагмента мира – денотативного класса, единицы которого отражают результаты разных способов познания мира, в том числе и концептуального.

Этот подход реализован на основе образной интерпретации таких объектов мира, как снег и зима, получивших отражение в квебекских и эвенских поэтических текстах. Но остается много нерешенных вопросов, которые требуют расширения материала исследования и его дальнейшего обобщения. Это позволяет нам утверждать, что избранная нами тема является *актуальной*. Снег как вид атмосферных осадков и зима как одно из четырех времен года являются значимым компонентом северной картины мира, они находят многообразное отражение в поэзии М. Колесова и А. Эбер, произведения которых мы рассмотрим в данном анализе.

Цель работы состоит в изучении поэтической многогранности концептов «снег» и «зима» в поэзии Севера на примере стихотворений локальных авторов М. Колесова и А. Эбер.

Данная цель определила постановку и решение следующих *задач*:

1. Ознакомиться с творчеством М. Колесова и А. Эбер.
2. Изучить понятие «концепт» в языкознании.
3. Определить основные типы концепта.
4. Изучить репрезентацию физических свойств зимы и снега в поэтической речи А. Эбер и М. Колесова.
5. Проанализировать особенности хронотопа при описании зимних пейзажей.
6. Сделать подробный анализ поэтической концептуализации природных явлений снег и зима.

Предметом исследования являются концепты «зима» и «снег» в рамках поэтического языка квебекского и эвенского поэтов.

Объектом исследования стали языковая картина мира в поэтических текстах представителей квебекской и эвенской литературы А. Эбер и М. Колесова.

Материалом исследования послужили 8 стихотворений Анны Эбер и 10 стихотворений Михаила Колесова с упоминанием образов зимы и снега.

Методы исследования:

Метод сплошной выборки, описательный метод с элементами интерпретации, контекстуальный анализ, этимологический анализ, метод статистического анализа, традиционный метод выявления семантического поля.

Научная новизна исследования состоит в том, что сравниваются две ранее незнакомые друг другу культуры через призму поэзии.

Теоретическая значимость работы. Результаты, полученные от исследования, могут расширить и углубить лингвокультурный аспект анализа поэтический текстов северной литературы, а также предоставить важный материал для дальнейшего изучения концептов «снег» и «зима».

Практическая значимость исследования состоит в возможном использовании результатов анализа в дальнейших исследованиях по данной тематике.

Работа состоит из двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Понятие концепта в лингвистике

Для исследования образов снега и зимы в поэтическом тексте мы основывались на теоретико-методологической базе концептуального анализа. Как и большинство сложных когнитивных лингвокультурных образований, концепт не имеет однозначных трактовок ни в лингвистике, ни в философии, ни в логике. А вопросы типологии, строения, методологии изучения и классификации концептов в настоящее время остаются спорными и неоднозначными.

Прежде всего, мы разберем этимологию термина «концепт» и изучим его роль в лингвистике.

Иноязычный термин «концепт» родствен русскому слову «понятие». «Концепт» является калькой с латинского *conceptus* «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», то есть буквально обозначает «поятие, зачатие»; «понятие» же происходит от глагола *пояти*, др. рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жёны» буквально обозначает то же самое [39: 288]. В данном примере можно заметить, что оба глагола содержат в себе сему «приобретения». При этом следует уточнить, что, несмотря на явное родство, термины «концепт» и «понятие» нельзя считать абсолютными синонимами. Лингвисты всё ещё не могут определиться с тем, в каком случае стоит употреблять один термин, а в каком – другой. В одних работах существительное «понятие» толкуется как более объёмная по содержанию единица языкового сознания, в других же, напротив, более объёмной и широкой единицей признаётся «концепт» [42: 32-37]. Хотя концепт как термин широко используется во многих областях лингвистики и смежных науках: лингвокультурологии, когнитивистике, семантике. До словарного утверждения нынешнего определения термин «концепт» употреблялся несколько произвольно. Весьма часто концепт как термин путался с родственными по языковой форме или значению словами. Подтверждением тому может послужить использование объединенных терминов, как «лингвокультурный концепт» и «когнитивный концепт» в лингвистических исследованиях.

Одним из первых в лингвистике к изучению концепта обратился С. А. Аскольдов. Он рассматривал функцию заместительства концепта как одну из самых значительных, и утверждал, что концепт является одним из «мысленных образований», возникающих в сознании человека, и избирающихся из некоторого числа ассоциативно-родственных объектов и

явлений. Он писал, что «не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов, он может быть заместителем разного рода: чисто мысленных функций» [4: 267-279].

Более подробно разберем определение известного российского филолога, доктора филологических наук, профессора Ю. С. Степанова. В своих работах он отмечает, что концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [39: 40-76].

В качестве примера иллюстрирующего то, как концепт реализуется в сознании рядового носителя лингвистической культуры, Ю. С. Степанов анализирует представления о «законном» и «противопоказанном» человека без юридического образования, и приходит к выводу, что все схожие представления человека концентрируются вокруг концепта «закон». Ученый утверждает, что данный концепт существует в ментальном сознании человека не в качестве понятий и профессиональных терминов, а в форме совокупности представлений, сведений, фактов, знаний, ассоциаций, личных переживаний, воспоминаний, возникающих в понимании человека при упоминании слова «закон». В данном случае это и будет являться концептом «закон». В приведенном примере мы видим, что значительным отличием концепта от понятия является то, что концепт в отличие от понятия не только мыслится, представляется, объясняется, но и переживается, испытывается, и даже чувствуется. Ведь «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [39: 40-76].

Д.С. Лихачев предложил рассматривать концепт «алгебраическим выражением значения» [22: 342-403], то есть концепт – это то, что человек ассоциирует с определенным объектом, то, как он мысленно, ассоциативно, эмоционально и чувственно приходит к образу того или иного объекта или явления. Данное определение семантически соприкасается с толкованием Ю. С. Степанова.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, представители Волгоградской филологической школы, определяют концепт как «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом» [16: 3-16]. Они утверждают, что центром концепта является одно из наиболее значимых представлений человека о чем-либо в его сознании, а на это представление находятся разные ассоциации. Ассоциации выстраиваются от центра к периферии по их актуальности в содержании концепта. Концепт не имеет ассоциативных границ, все определяется индивидуально в зависимости от

человека. Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта [17: 75-80]. В сознании носителя лингвокультуры концепт актуализируется при помощи единиц языка и речи, которые именуется «входами» концепта. Единицы языка и речи, представляющие собой эти входы, располагаются на разных уровнях языка. Для апелляции к одному и тому же концепту используются и лексемы, и фразеологизмы, и свободные словосочетания, и предложения, и тексты [37: 66-73]. В своих работах филологи В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин определяют лингвокультурный концепт как «условную ментальную единицу». Они определяют следующие сферы применения концепта: область изучения языка, культура, сознание и мышление человека. Ученые описывают взаимосвязь концепта с перечисленными сферами их применения. Карасик и Слышкин считают, что концепт всегда обитает в человеческом сознании, что позволяет назвать сознание человека «областью пребывания концепта» [17: 75-80]. Культура же, в свою очередь, определяет концепт, на основании чего можно упомянуть концепт, как о мыслительном отображении составных элементов культуры. В языке и речи концепт материализуется. Однако В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин находят данные утверждения относительными, так как взаимосвязь культуры, языка и сознания достаточно осложнены, но разносторонни. Например, язык в одно и то же время может рассматриваться как составляющее культуры и как ее определяющее понятие. Спорен также вопрос о соотношении языка и сознания. Образы человеческого сознания реализуются в языке и с помощью языка, как и в случае с культурой, язык является определяющим суждением. Филологи В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, как и упомянутые лингвисты, описывают ментальный характер концепта и, в частности, лингвокультурного концепта.

Концепт и другие единицы сознательного порядка (образ, понятие, архетип, стереотип), используемые в разных сферах наук, отличаются друг от друга. В таком случае, определяющим является ценностный центр концепта. Данный признак сближает концепт с культурой, которая подобным образом тоже основывается на ценностной основе.

В основу классификации концептов могут быть положены самые различные критерии: тематика концепта эмоциональные [20: 65-72], образовательные [40: 178-181], текстовые [36: 18-26] концепты. В зависимости от количества носителей какого-либо концепта, сам концепт может быть отнесён к индивидуальным, микрогрупповым, макрогрупповым, национальным, цивилизационным, общечеловеческим [22: 342-403; 15: 3-15].

В работах О. Селивановой, которая приравнивает концепт к логическому суждению, представленному в языковой форме, концепт приобрел широкое значение. Селиванова пишет, что «концепт отображает предмет реального или идеального мира и сохраняется в памяти носителей языка как вербальный субстрат» [33: 111].

С. Г. Воркачев приводит три основных способа осмысления концепта, укоренившихся в лингвистике. Во-первых, согласно исследователю, под концептами подразумеваются слова, значение которых отражается в языке и сознании представителей той или иной культуры, нации, этноса, и которые формируют картину мира носителей языка и культуры. Совокупность таких концептов образует концептуальную сферу языка [10: 39], являющуюся «емкостью», наполненной национальной культурой. Во-вторых, Воркачев, определяя концепт более узко, дает ему следующее толкование: концепты – лексические единицы, являющиеся нестандартными для другой лингвокультуры, и характеризующие носителей той или иной лингвистической культуры. Подобные концепты не образуют концептосферу, но находятся в составе одной из них, образованной концептами другого рода. В-третьих, С. Г. Воркачев определяет концепт как образование, которое раскрывают понимание культурного менталитета носителей концептов.

Рассмотрев различные научные работы и исследования к определению понятия «концепт», можно сделать вывод, что «концепт – это единица коллективного знания, сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [10: 51].

Также следует отметить, что наличие стольких различных взглядов на природу «концепта» и исследований данного явления свидетельствует о том, что феномен концепта остается нераскрытым, и о том, что рассматриваемое нами явление является весьма непростым к изучению.

В нашей дальнейшей работе мы будем придерживаться определения – концепт является «шире понятия, так как охватывает все содержание слова – и денотативное, и когнитивное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [43: 287-288]. Концепт – это рациональная, сублогичная, мыслительная структура, обладающая большой обобщающей силой и являющаяся выражением объективной реальности в человеческом сознании, творческом мышлении и культуре в целом; материальным выражением концепта служит слово-термин или образ

культуры, поэтому он может восприниматься рационально или чувственно, то есть переживаться [14: 99].

1.2. Типы концептов

В истории развития когнитивной лингвистики на первый план всегда выдвигался вопрос типологии концептов. Лингвисты всегда были вовлечены идеей определения концепта, и поэтому уделяли особое внимание специфике концепта как образованию из области сознания человека, а также проблеме классификации концептов.

Исследователи, занимающиеся природой концепта в когнитивной лингвистике и в других смежных науках, пришли к общему заключению, что концепт – это «зонтичный термин, объединяющий разные виды ментальных явлений, функцией которых является структурирование знаний в мышлении человека» [31: 115].

В итоге, концепт стал рассматриваться в виде образования ментального порядка, имеющий различия в своей совокупности и структуре, но исполняющие сходные функции – классифицирование и организация человеческих знаний и представлений об объективной действительности.

Типология и классификация концептов являются основополагающими вопросами в когнитивной лингвистике, но представленная необходимость в решении данного вопроса нам говорит то, что представляемые типы знаний о природе концепта различны.

В когнитивной лингвистике концепты могут классифицироваться по самым разным критериям, но каждый из критериев будет передавать «когнитивную реальность». В своих исследованиях З. Д. Поповой и И. А. Стернина отмечают, что «наиболее важно различать концепты по тому типу знания, отражения действительности, которое они закрепляют, поскольку именно от этого зависят методы выделения и описания концептов» [31: 117]. З. Д. Попова и И. А. Стернин разработали следующую типологию концептов, которая со временем стала наиболее признаваемой среди лингвистов: концепт-представление, концепт-понятие, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-сценарий, концепт-гештальт. Давайте разберем данные типы концептов.

Концепт-представление – это обобщённый чувственно-наглядный образ предмета или явления [31: 117]. Концепт-представление описан в языке в особенности словами с конкретным смыслом, значением. В словарях толкования подобных лексических единиц состоят из перечисления

признаков, которые человек воспринимает при помощи органов чувств. Можно убедиться в том, что смысловая сторона подобных лексических единиц выражает именно концепт-представление по словарным дефинициям данных лексем, многие из которых состоят из перечисления признаков предмета номинации, чувственно воспринимаемых человеком. Мы проверили словарные дефиниции некоторых слов, чтобы полностью убедиться в приведенной теории. Например, поиск значения слова «озноб» дал нам следующие результаты: «дрожь», «болезненное ощущение холода» [30: 448]; *тюльпан* – «луковичное растение семейства лилейных с крупными яркими цветками» [30: 819]; *змея* - «пресмыкающееся животное с длинным извивающимся телом» [30: 231].

По данным результата поиска мы видим, что концепты-представления постоянны, и что они являются совокупностью «запоминающихся» и «бросающихся в глаза» внешних особенностей объекта или явления, воспринимаемых человеком на уровне органов чувств.

Концепт-понятие – это концепт, который отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Например: квадрат - прямоугольник с равными сторонами, самолёт - летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями [31: 118].

Важнейшим этапом осмысления любого понятия является представление или схема. В процессе прогрессивного абстрагирования от второстепенных, иррациональных и субъективно воспринимаемых признаков или же в результате соединения в одном определении компонентов других концептов.

Соединяться способны как признаки, отображающие объекты реальной действительности (школа, университет, машина и др.), так и признаки, отражающие объекты выдуманного, сказочного, мифологического мира (кикимора, русалка, кентавр и др.). В последнем случае в нашей действительности не существует денотат приведенного концепта, но описанные образы автоматически возникнут в чувственном сознании носителей определенной лингвокультуры, и возникнут также признаки, отражающие концепт – каждый носитель определенной лингвокультуры сможет изобразить и описать кикимору, русалку и кентавра. Это объясняет то, что концепт – это отражение действительности отдельного индивидуума, образование, обработанное в процессе ассоциативной и мыслительной работы человека.

Концепт-понятие отражает в сознании отдельного человека лексические единицы из профессиональной терминологии. В языке такие

концепты могут являться терминами. Следует еще отметить, что концепт-понятие формируется в мыслительном аппарате преимущественно как отражение производственной и научной сфер реальности (терминология). Как описывал Ю. С. Степанов, «понятия как обобщенные отражения действительности выработаны в процессе познания далеко не для каждого явления, называемого отдельным словом» [38: 12].

Концепт-схема – это концепт, представленный некоторой обобщённой пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом [31: 118]. Лингвист Н. Н. Болдырев приводит следующее определение: схема – это «мыслительный образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» [7: 36].

Концепт-схема отличается от других концептов тем, что схему можно нарисовать или начертить, это говорит о материальности концепта, о реальности его существования. Концепт-схема можно ориентировочно отметить на границе пересечений концептов понятие и представление.

Концепт-фрейм – это мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объёмное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении [31: 119]). Например, фреймами существительного «зима» будут являться его компоненты и составляющие - снег, холод, метель, лед и др. Фреймы слова волейбол - мяч, партия, игровое поле, команды и др.

Концепт-сценарий – последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития [31: 119]. В каком-то смысле сценарий является фреймом, представленным как последовательность действий: поездка, посещение кинотеатра, поход в ресторан. Разберем следующий пример. Кинотеатр – это фрейм, а посещение кинотеатра, покупка билетов в кинотеатр, бронирование мест в кинотеатре и др. – сценарии, то есть то, как могут развиваться события, проекты и действия.

Концепт-гештальт – это комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании [31: 119]. Гештальт – это элементы рациональной и экспрессивной характеристики объекта или явления, образующие его образ. Гештальт включает в себя постоянные и изменяющиеся с течением обстоятельств и времени стороны объекта или явления.

Итак, гештальты – это концепты явлений, воспринимаемых человеком чувственно. Совокупность всех явлений такого вида образует в сознании человека совокупную картину. Например, в языкознании типичными гештальтами считаются любовь, счастье, время, мучение, искупление и др.

Разберем еще несколько вариантов типологизации концепта. Важную роль в лингвокогнитивных исследованиях играет также классификация концепта по характеру их частотности, объективированности для человека. Согласно данной классификации, различают вербализированные и невербализированные концепты. Вербализированный тип – это концепты, имеющие постоянные языковые выразительные средства, и которые всегда используются в языке в данном лексическом образе. Невербализированный тип – это концепты, не имеющие в языке первичных средств языковой реализации, или реализующиеся искусственно, в условиях эксперимента или при необходимости их использования.

В когнитивной лингвистике существует еще классификация концептов по их принадлежности к определенным группам носителей. Данная типология разделяет концепты на универсальные и национальные. Универсальные концепты – это концепты, которые могут существовать в семантической независимости от национальных и культурных концептуальных ассоциаций (напр. облако, озеро, отчество, планета и др.), но, тем не менее, это не исключает наличия в их содержании национально-культурной специфики. Национальные концепты – это концепты, которые встречаются в лингвокультуре только определенного народа. Например, «ср. японское слово *саби* - уединённое молчание на лоне природы; у японцев также есть слово, означающее «женщину, которая, если бы жила в другое время, пользовалась бы большим успехом у мужчин», финск. *сису* - «жизненная стойкость и умение противостоять обстоятельствам, стойкость, свойственная финнам», фр. *savoir-vivre* - «умение жить в удовольствие», русские концепты *духовность, пошлость, смекалка, авось*, западные концепты *толерантность, приватность, вызов, честная игра* [31: 120].

Концепты классифицируют и по групповым категориям (возрастные, гендерные, профессиональные) и индивидуальным. Наличие разнообразных категорий и типологий концепта нам говорит о том, что вопрос об определении и типологии концепта остается актуальным к новым исследованиям и спорам. Актуальность разобранных нами классификаций обусловлена тем, что различные типы концепта предлагают разные методики их анализа и описания.

1.3. Актуализация концепта в языке

Актуализация концепта – это 1) единичное употребление языковой единицы, составной план выражения концепта; 2) совокупность употреблений всех языковых единиц, из которых формируется план выражения концепта. Актуализация, описанная в первом определении, включает в себя всю языковую реализацию концепта, а во втором определении, актуализация включает в себя самую только одну значимую часть реализации концепта.

Понятие «концепт» не является обособленной единицей когнитивной лингвистики, а скорее – совокупностью определений и эмпирических смыслов. Концепт актуализируется в языковой практике, воплощается в текстах. Несомненно, актуализация концепта зависит от его семантических и структурных особенностей, но между концептом и его актуализацией не наблюдается тождественности. Прежде всего, следует отметить, что с методологической точки зрения именно дифференциация концепта и его актуализация позволяют реализовывать количественные методы исследования, которые в рамках «энциклопедического» подхода к изображению концепта оказываются непригодными. Данный подход дает возможность изучить внеязыковые процессы как причины развития концептосферы, показывает важные вопросы взаимодействия между концептуальным видением мира и плотным культурным контекстом, так как тексты, где актуализируется концепт, описывают социально-культурные и политические особенности того времени.

Любая актуализация концепта является результатом употребления ассоциативных, эмпирических признаков, формирующих прототип, к определенным ситуациям или явлениям, то есть является актом категоризации. Например, прототип «рыба» уравнивает образы «акулы», «карася» и «кальмара», несмотря на разное происхождение их видов, но приведенные примеры все равно категоризируются как рыбы.

Под воздействием внешних факторов (социокультурных и политических) актуализация концепта может деформироваться, но не сам предлагаемый концепт. Это происходит из-за того, что частота использования концепта для категоризации определенных сторон действительности под воздействием времени, тенденций и идеологии меняется, вследствие чего внимание переходит на другие характеристики, изменяя при этом актуализацию концепта. Трансформация концепта и/или концептосферы происходят, когда такая деформация закрепляется в объекте описания. Однако такие деформации происходят не всегда: действие

социокультурных, политических и лингвистических факторов должно быть достаточно сильным и постоянным, чтобы произошли такие изменения.

Актуализация концепта разделяется на две структуры – внешнюю и внутреннюю. Внутренней структурой актуализации концепта является его способность к категоризации разных сфер, объектов и явлений действительности. Представим концепт как многогранный объект, где его внутренней структурой его актуализации будет являться перечень граней, которыми концепт возвращается в процессе категоризации явлений действительности. Иными словами, внутренняя структура – это разделение действительности, закрепленное в содержании концепта, и являющееся неотъемлемой категорией его общей структуры. Внутреннюю структуру можно охарактеризовать как потенциальную, то есть она в какой-то мере является весьма очевидной для носителей лингвокультуры, но при этом она определяет возможности актуализации концепта. Компоненты, которые могут быть отмечены во внутренней структуре реализации концепта, равноценные и равнозначные, иными словами, компоненты внутренней структуры не выделяются на фоне остальных.

Внешней структурой актуализации концепта является воплощение концепта в текстах. В отличие от внутренней структуры внешняя структура допускает изменения. В результате таких изменений может быть зафиксирована частотность актуализации каждой из "граней" (в плане синхронии), а также изменения частотности, для каждой из них (в плане диахронии). Критерий равноценности в этом случае не действует: под воздействием внутренних и внешних лингвистических факторов одна из актуализаций в той или другой мере будет преобладать, причем между ними могут оказываться отношения конкуренции, взаимного вытеснения.

Опираясь на данный анализ, проведем разграничение между функционированием и развитием концепта. Функционирование выполняет ту же роль, что и трансформация внешней структуры актуализации концепта, при которой внутренняя структура не подвергается изменениям. В таком случае, актуализация концепта также включает в себя внеязыковые факторы, которые не воздействуют на концепт, то есть концепт остается неизменяемым, а при модификации внешних условий и факторов возобновляет привычную для него актуализацию.

Развитие влияет не только на внешнюю структуру, но и на внутреннюю структуру актуализации концепта: внутренняя структура или берет что-то новое от изменений, или что-то теряет из старого, но, во всяком случае, меняется [45].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В первой главе мы рассмотрели лингвокультурные основы исследования концепта, подробно изучив понятие, типологию и актуализацию концептов в языке. Данный анализ позволил нам сделать ряд следующих выводов.

Понятие «концепт» к данному времени не имеет общего определения в науке, поэтому в каждом разделе лингвистики он трактуется по-разному, но в ходе нашей работы, мы выяснили одно наиболее распространенное и общее объяснение. Концепт – это то, что человек ассоциирует с определенным объектом, и то, как он мысленно, эмоционально приходит к образу того или иного объекта или явления.

Все известные лингвисты и филологи трактовали свои определения понятию концепта. Например, С. А. Аскольдов рассматривает концепт как «мысленное образование», Ю. С. Степанов – как «сгусток культуры в сознании человека», Д. С. Лихачев считает концепт «алгебраическим выражением значения», В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин утверждают, что это «многомерная ментальная единица с доминирующим ценностным элементом», а З. Д. Попова и И. А. Стернин соглашаются с вышеперечисленными учеными-лингвистами, объясняя концепт как «комплексная ментальная единица».

Одним из важнейших вопросов когнитивной лингвистики является классификация концептов. В данном исследовании мы изучили наиболее известные в лингвистике типологии концептов и пришли к выводу, что более полной классификацией является классификация, разработанная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. В своем исследовании лингвисты выделили шесть типов концепта: концепт-представление, концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-сценарий, концепт-гештальт.

Следует отметить, что концепт в более общем понятии представляет образование человеческого сознания, то есть ему присущи некоторые специфические особенности: разделение по половому признаку, наличие множества признаков, субъективное представление смысла, метафоричность, эмоциональное составляющее.

При концептуальном анализе образов и текстов необходимо рассмотреть понятие «актуализация концепта», так как данная категория анализа является одним из первостепенных при исследовании концептов. Мы изучили внутреннюю и внешнюю структуры актуализации концепта по схеме Щеволевой, и выяснили, что на концепт могут влиять социокультурные и политические факторы.

ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «ЗИМА» И «СНЕГ» В ПОЭЗИИ СЕВЕРА

2.1. Концептуальные образы «зимы» и «снега» в квебекском и эвенском устном творчестве

Истоки поэтического образа снега и зимы восходят к устному народному творчеству, народному фольклору. В связи с этим мы рассматриваем образы «зимы» и «снега» в квебекском и эвенском фольклоре.

Фольклор (с англ. *folklore*; *folk lore* – народное знание, народная мудрость) – это устное народное творчество, отражающее в себе всю мудрость народа в пословицах и поговорках, историю в песнях, легендах и сказаниях, наблюдения в приметах, национальный дух в традициях и обрядах. Изучив фольклорное творчество народа можно сложить определенное представление о людях, об их национальном менталитете, об образности их коллективного и персонального мышления. Например, в фольклоре северных народов преобладает присутствие специфических элементов Севера, в качестве образов, наблюдений и отдельных персонажей. В эвенском народном знании снег выступает одним из заглавных понятий, по его состоянию и признакам могут определить, какой будет год, урожай и предстоящие события. В Квебеке по холоду, длине, туманности зимы, описываемых в сказках, преданиях и легендах, люди объясняли многие события в их жизни и в природе. Например, если зима в Квебеке задавалась долгой и холодной, то по народным преданиям, это означало, что в этом году люди много нагрешили, и получали зиму в качестве наказания.

Поэтому перед тем как приступить к анализу репрезентаций снега и зимы в стихотворениях квебекского и эвенского авторов, мы посчитали нужным сначала изучить значение и роль данных явлений природы в их национальном сознании.

Особенностью России и Канады по сравнению с другими странами мира является их огромная территория с разными типами климата. В этих странах снег лежит в течение пяти-шести месяцев в году, а зима длится большую часть года. Эти два явления природы описаны в данных странах самыми разными способами, характеризующими духовное состояние человека и природы, которые широко отражаются в обыденном сознании. Это выражается в большом размере национального фонда, в значении которых зафиксированы знания россиянина и канадца о снеге и зиме в наличии пословиц, поговорок, загадок, примет, которые также содержат

результаты коллективного познания мира, прагматическую оценку человеком зимы и снега.

Долгие зимы, обильный снег, условия, сопровождающие эти явления природы, воздействие на окружающую среду и состояние людей делают возможным установить некоторые причинно-следственные связи между этими двумя явлениями природы и некоторыми моментами жизни и деятельности человека. Эти связи наблюдаются в приметах, например, русская приметы об урожае: *Мокрый снег на озимь – лучше навозу; Много снега на полях – много хлеба в закромах; Каков зимний снегушек, такой летом хлебушек* и др., квебекская примета с аналогичным смыслом: *Petit printemps, petite récolte; grosse printemps, grosse récolte* (пер. *Короткая весна – скудный урожай, длинная весна – богатый урожай*). Но в квебекском варианте нет упоминаний ни о зиме, ни о снеге, но под словом *весна* в примете подразумевается *снег*, так как весна в Квебеке заканчивается, когда растает весь снег, это объясняет образный подход приметы: *Много снега – много урожая*. В этих приметах зафиксированы наблюдения о снеге жителей России и Канады: толстый слой снега, зима с обильным снегом обеспечит почву влагой, что благоприятно скажется на результатах урожая.

Многолетние наблюдения за особенностями зимы и снега, желание объяснить происходящее дает основание соотнести два взаимосвязанных явления. Изучив пословицы и поговорки, которые люди составляли поколениями, можно заметить, с чем народ олицетворяет то или иное явление природы, например: *Advienne que pourra ; s'il neige, on pellettera* (пер. *Не важно, что случится; если снегом заметет, мы лопатой разгребем*), снег выступает здесь в роли проблемы и трудностей. Поговорка трактуется следующим образом: какие бы трудности нам не встретились на пути, мы все равно найдем правильный выход, со всем справимся. *Un homme sans femme ne tient pas l'hiver* (пер. *Мужчина без жены не перенесет зиму*) – образ зимы в данной поговорке представлен долгим и тяжелым периодом, который нужно не проживать, а пережить, то есть мы вновь встречаем олицетворение сложностей и проблем.

В сознании российского человека образы зимы ассоциируется также с трудностями, проблемами, но, а также и со злом: *Не пугай зима, весна придет*, – зима в роли отрицательного персонажа; *Зима пришла и мороз принесла; Зима лето пугает, да все равно тает; Как зима не злится, а весне покорится*.

Присутствие образов снега и зимы в национальном сознании народа, в наблюдениях и в попытках понять, как устроен мир является следствием их значимости для народов Севера, для северной картины мира. В качестве

примера можно привести множество легенд и мифов, связанных со снегом и его происхождением, с зимой, и с ее условиями.

В эвенской легенде о медведе и об истории появления праздника уркачак (эвенский праздник почитания медведя), где рассказывается, как сначала две сестры спасаются от волков, из которых только одна остается в живых, провалившись в берлогу медведя. Девочка проспала всю зиму в берлоге и пробудилась только к весне. Медведь ей помогает указать правильную дорогу до родительского дома. После нескольких месяцев девочка дарит жизнь двум мальчикам: медвежонку и человеческому ребенку. В знак благодарности за спасение жизни дочери, родители девочки решают воспитать медвежьего ребенка. Дети растут в постоянной, но невзаимной вражде, человеческий ребенок всегда начинает драки с медведем и грозит его убить. Повзрослев, медведь решает покинуть дом, где вырос, и уйти в лес. От своего человеческого брата вместо прощания получает только угрозу на последний, решающий поединок, который вскоре состоялся. Медведь перед смертью просит своего брата устроить праздник в свою честь, чтобы люди помнили и почитали медведя, честно сраженного в борьбе с человеком.

На протяжении всего сказания присутствует образ снега, символизирующий своим состоянием, скоростью и наличием опасностью, тревогу и угрозу:

Время было осеннее, но снег еще выпал. – Начало сказания, где герои еще не подозревают об опасности, живут своей мирной жизнью. Отсутствие снега в этом отрывке истории показывает и отсутствие опасности, но подчеркивается ее приближение и риск, упоминанием приближения первого снега.

Стало совсем темно, надвинулись большие тучи, пошел снег. – В этом отрывке сестры отправились на поиски убежавших оленей, и вскоре наткнулись на волков. Появление снега в этой части сказания показывает, что девочки оказались в опасности и уже замечены волками.

Через некоторое время старшая оглянулась, видит – а младшей нет. Опять побежала старшая вперед, бежит и бежит. <...> А снег все идет. – Младшая из сестер отстала и попала на произвол судьбы, в волчьи когти и клыки. Подчеркнутая продолжительность снега «все идет», дает знать о напряженности ситуации, и о том, что девочка пока еще не выбралась из преследования стаи волков.

Шла она, шла и видит – как будто светлее стало. <...> Под корнями дерева снег подтаял. – Девочка нашла укрытие, где дождется рассвета. Подтаявший снег намекает, что девочка, возможно, нашла свое спасение, и укрытие ей поможет избавиться от преследования волков.

- *Все равно умру, все равно умру! Опять пошел снег и подул ветер.* – С наступлением рассвета девочка понимает, что заблудилась и набрела слишком далеко от дома, начинает паниковать и плакать. Снег здесь является бурным воплощением мыслей девочки, ее состояния и страхов.

Она провалилась в снег и почувствовала тепло. - Провалившись в снег, девочка находит берлогу медведя и свое спасение. В этой части истории нужно обратить внимание на состояние снега: лежачий снег, символизирующий спокойствие, умиротворение и безопасность.

Выглянула из берлоги, смотрит и удивляется: снег везде растаял. – Наступила весна. Девочка осталась в живых и не пострадала, а дорогу до дома укажет медведь. Таяние снега – его отсутствие символизируют безопасность и добрый конец истории.

Эвенские легенды полны фантазии и вымысла. В них в большей степени, чем в других видах устного народного творчества, нашли отражение суеверные представления предков эвенов об окружающей среде и природе в целом. В эвенских легендах всегда говорится о необъяснимом, а порой страшном явлении природы (о злых духах, о духах природы и вещей, различных знаках судьбы). Например, в легенде «Медведь» речь идет не только о чудесном спасении девочки, поединке человека и медведя, но и о неизвестном человеческому уму, необъяснимом явлении – снег. С развитием ситуации мы видим, как меняется консистенция снега, скорость движения под силой ветра и плотность. В эвенской легенде снег символизирует опасность, зло и тревогу. В то же время, плотный слой снега представляет собой укрытие, состояние защищенности. С таянием снега уходит страх и тревога.

В известной квебекской легенде «*Fantôme de l'avare*» (пер. «Призрак скупого человека») явления снега и зимы дополняют смысловую нагрузку истории своей злобной природой. Легенда рассказывает о том, что однажды молодой человек заблудился в лесу во время снежной вьюги и набрел на одинокий домик. В надежде переждать вьюгу и ночь, путник попросился в гости. Его радушно приняли, налили чаю и угостили, после чего хозяин дома начал свой рассказ. Много лет назад в лютый холод в этот дом постучали два заблудших путника, стук разбудил хозяина от сладкого сна и рассердил его. Открыв, наконец, дверь, он увидел двух мужчин: один был уже мертв, не выдержав холод, другой – еле как держался за последнюю надежду на доброту хозяина этого дома. Но мужчина никого не впустил в свой дом, закрыл двери прямо перед носом у умирающего от холода человека. За этот проступок Бог наказал бедного хозяина дома, и даже после смерти запер его душу в этот доме. Чтобы освободиться от заклятия он должен был искупить

свой грех, впустив в свой дом погреться хотя бы одного заблудшего путника. И через пятьдесят зим к нему в дверь постучался замерзший молодой человек и освободил его от вечных мук ожидания и искупления.

В этой легенде, как и в эвенском «Медведе», присутствуют неоспоримые образы снега, холода и зимы, нагруженные злобными знаменами предстоящего. Присутствие снега напрягает обстановку, передает настроение героев и их состояние, определяет тревогу и безнадёжность ситуации.

Il faisait un froid sec et mordant; la rive nord <...> était couverte d'une épaisse couche de neige, tombée avant la Noël. Les chemins étaient lisses comme une glace de Venise. – так в начале легенды описываются снег и зима, прилагательными «сухой», «режущий/кусающий», «плотный», «гладкий» передается настроение картины: на первый взгляд безобидное, ничего не предвещающее, но стоит выйти на холод, как зима начнет кусаться и сухим морозом бить по лицу.

tout faisait présager une forte bordée de neige; il neigeait à plein temps; J'ai vu de fortes tempêtes de neige durant ma vie, mais je ne m'en rappelle aucune qui fût aussi terrible que celle-là. Je ne voyais ni ciel ni terre, et à peine pouvais-je suivre le « chemin du roi » devant moi, les « balises » n'ayant pas encore été posées, comme l'hiver n'était pas avancé. – В этом отрывке история приближается к своей кульминации, главный герой заблудился, пытается следовать проложенной, еще не сметенной снегом, тропинке. Снег кружит голову путника, сметает его дорогу, чтобы привести его своими усилиями к тому самому дому в лесу. Исходя из этого, снег в этой легенде выполняет две функции: помогает искупить свой грех «призраку скупого человека», сбивает с пути путника.

une poudrerie <...> me fouettait la figure m'empêchèrent complètement d'avancer. – Вихри снега не дают рассказчику двигаться вперед, а лишь останавливают и направляют в другую сторону, будто неземной силой направляемый, он идет, куда вихри снега его проведут.

quand j'aperçus, sur la gauche de la grande route, une masure à demi ensevelie dans la neige et que je ne me rappelais pas avoir encore vue. Je me dirigeai en me frayant avec peine un passage dans les bancs de neige vers cette maison que je crus tout d'abord abandonnée. – Путник заметил домик, наполовину «похороненный» в снегу и направился в его сторону. Метафора «похороненный в снегу» имеет важное значение в легенде, так как она отсылает к прошлому этого дома и к тому, что там обитает.

j'entrai en secouant mes vêtements qui étaient couverts d'une couche épaisse de neige. – Главный герой наконец входит в дом, стряхивая с себя

толстый слой снега. Это обыкновенное по существу движение символизирует, что все сложности остались позади, он сбросил с себя подстерегавшую его опасность.

épuisé par le froid. – Это выражение использует призрак, обитающий в доме, описывая ту самую ночь, когда он отказал в помощи «измотанному» холодом страннику. Как мы видим, холод является не только субъективным ощущением температуры, но и следствием утомляемости, изнеможения человеческого организма.

mort de froid et de misère. – Описание тех путников. Стоит обратить внимание на сочетание в одной однородной фразе слов «froid» и «misère» (пер. холода, страдание). Эти слова носят одинаковый эмоциональную нагрузку: холод расценивается как страдание, страдание – как холод.

Pendant cinquante hivers – Отсчет времени идет по зимам, что говорит о приоритетности зимы как времени года.

La tempête s'était apaisée. – Когда призрак заканчивает свой рассказ и этим искупает свою вину перед двумя путешественниками, вьюга стихает, освобождая призраку путь к вечному таинству сна.

exposés au froid et à la tempête – После этого необыкновенного случая главный герой каждый год рассказывает эту историю своим детям, чтобы они никогда не бросили никого в холоде, во время снежной вьюги, во избежание жестокой кары. Согласно этой фразе, можно сделать вывод, что в Квебеке холод считается одним из явных бедствий, таких как: голод, бедность, несчастье, холод и т. д.

Образы зимы и снега в квебекской легенде «Fantôme de l'avare» полны мистики и магии, они символизируют, с одной стороны, нечистую силу, беду и несчастье: заманив рассказчика в другую сторону от дома, спутав его путь, отняв жизни у двух потерявшихся людей; с другой стороны, именно снег приводит путника к дому, где был заточен дух «скупого человека», и этим освобождает хозяина дома от вечных мучений ожидания, а также благодаря тому, что путник заблудился из-за снега, он нашел убежище, где мог переждать бурю и не замерзнуть.

В обеих легендах, эвенской и квебекской, снег имеет особенность изображать и передавать ощущение опасности, беды и тревоги в зависимости от скорости, направления и силы ветра. А также снег в квебекской легенде представляет собой благодетель и спасение души призрака хозяина дома, а в эвенской легенде снег является спасением девочки, так как, провалившись под слой снега она переждала зиму и высвободилась от преследования волков.

Таким образом, в мы посмотрели русское, канадское и отдельно эвенское и квебекское устное народное творчество (пословицы, поговорки, приметы, легенды), чтобы проанализировать репрезентации зимы и снега в национальном сознании произведений М. Колесова и А. Эбер. Отношение к зиме и снегу, сложившееся в многовековом наблюдении, у канадцев и россиян, в силу схожих климатических условий, имеет много общего.

2.2. Репрезентация физических свойств зимы и снега в поэзии

Зима и снег, как и любые явления природы, обладают многочисленными признаками, получившими закрепление в семантических единицах. Многие признаки были описаны в поэтических текстах, порой имея совершенно неожиданный характер. Физические свойства снега (белизна, звук, цветовые оттенки, легкость/тяжесть, плотность/рыхлость, глубина, запах и др.), а также физические свойства зимы (серость, холод, продолжительность, метель/пурга, сокращение светового дня и др.) полностью отражаются в поэзии квебекского и эвенского поэтов – Анны Эбер и Михаила Колесова. Отметим то, что признаки природных явлений, зимы и снега, описываются всегда относительно погодных условий и атмосферных осадков. Например, явный признак цвета присутствует во всех состояниях снега, а размер, форма (в состоянии снежинок) фиксируется поэтами только в описании снегопада. Следовательно, признаки снега разделяются на регулярные и нерегулярные. Данное наблюдение действует и касательно зимы, к регулярным признакам зимы в поэзии Севера относятся холод и наличие снега, к нерегулярным метель/пурга, серость и др.

Под регулярным признаком понимается тот признак, присутствующий во всех проявлениях снега (при снегопаде, при лежачем снеге, при таянии снега) и зимы (в первозимье, в коренной и поздней зиме). Закрепление того или иного концептуального, явного признака данных природных явлений при разных видах и состояниях связано с устойчивой ассоциативной связью данного признака и состояния. В то время как нерегулярными называются те признаки, которые проявляются, актуализируются в репрезентациях зимы и снега в определенный период или случай. Например, цветовая характеристика снега дается в любых его проявлениях: и при снегопаде, и при таянии снега, и снежной метели, пурге, а форма снежинок и скорость снегопада упоминается только при случае снегопада. Зиме при любых обстоятельствах дается описание и характеристика холода, температуры, а описание компонентов зимы таких как: метель, пурга, серость дается лишь

при их наступлении. Поэтому форма и скорость снега, а также некоторые компоненты зимы определяются как нерегулярные признаки, а цветовая характеристика снега и холодность зимы – регулярные.

Следовательно, к регулярным признакам снега относятся: цвет, звук, влажность/сухость, легкость/тяжесть. К нерегулярным – запах, температура, густота, плотность/рыхлость, поверхность покрова, форма, размер, скорость, движения, мягкость/колкость.

Для начала рассмотрим, как отражаются в поэзии Анны Эбер и Михаила Колесова регулярные признаки снега в разных его проявлениях.

Цвет. Квебекская и эвенская зимы по праву считаются одними из самых холодных по ассоциативным представлениям о зиме, поэтому обилие снега у жителей Квебека и у эвенов является главным составляющим зимы. В северной поэзии укоренившимся признаком снега и зимы является белый натуральный цвет снега, при этом в описании употребляется как прилагательное *белый*, так и однокоренные с ним существительные, глаголы, причастные формы, наречия. Белый цвет является постоянным и самым важным признаком и снега, и зимы, так как актуализация данного свойства обусловлено первичными способами познания и обобщения окружающего мира, результатом которых являются зрительное восприятие действительности.

Белый цвет снега подчеркивается в описании снегопада: *Тихо падал белый снег* (стих. «Тишина» М. Колесов), *Белое-белое, чистое облако – снег над головой* (стих. «Утренний свет» М. Колесов), *С холодной белой пелены/На землю льется снег* (стих. «Пурга» М. Колесов). В стихотворении «Страна снегов» автор дает скрытое, межстрочное описание снега относительно России как северной страны: *В нашей белой и чистой России*, - здесь прилагательное «белый» непосредственно относится к явлению снежной русской зимы. Анна Эбер дает следующие примеры белизны снега: *C'est une enfant blanche* (стих. «*Une petite morte*», пер. «*Маленькая смерть*»), *blancheur étale* (стих. «*La neige*», пер. «*Снег*»), *La page blanche* (стих. «*La page blanche*», пер. «*Белая страница*»).

Как известно, снег обретает разные цветовые оттенки в зависимости от времени суток, времени года и погоды. Помимо натуральной белизны снега в поэзии севера стало необходимым изображение различных цветовых оттенков снега. В творчестве северных поэтов - Анны Эбер и М. Колесова – описываются разные цветовые гаммы снега и компонентов зимы: *В золотом, загадочном раю* (стих. «Реквием по волшебству» М. Колесов), *Инеем рубиновым осыпана/Стрелами хрустальными утыкана* (стих. «Предзимье» М. Колесов) - автор изображает снежный покров в переливающихся

рубиновых, золотых лучах заката. В некоторых случаях зима изображается бесцветной, темной материей: *Кто-то прошел по снегу/И не оставил следов <...>, И холод полярной мглы* (стих. «Две пути» М. Колесов), *sans traces ni couleur* (стих. «La neige» Анна Эбер, пер. «Снег»), *glace indigo, glacier transparent* (стих. «Étrange capture» А. Эбер, «Странная добыча»).

Постоянная фиксация цветовой характеристики снега и других составляющих зимы в их разных проявлениях в поэзии Севера свидетельствует о том, что цвет является одним из важнейших признаков зимы в ее поэтической репрезентации.

Звук. Звуковая характеристика считается регулярным признаком снега и составляющих зимы (метель, пурга, снег, гололед и др.), причем к снегу данная характеристика относится в различных его проявлениях: в движении под действием ветра, при снегопаде, при лежащем состоянии снега, при таянии. Рассмотрим звуковую характеристику снега и зимы в стихотворениях эвенского поэта М. Колесова: *негромкое тепло твоих следов* – при описании шагов по снегу (стих. «Мне снилось – я был снег»), *живой тишиной облаков* (стих. «Страна снегов»), *тихо падал белый снег* (стих. «Тишина») – приводятся описания снежного покрова и снегопада, с использованием аналогичной звуковой характеристики «негромкий, тихий, тихо», *прохрипев по сугробам века* (стих. «Снежный бред»), *песню захвати с собой, чтоб встретится с пургой* – выделяется необходимость песни, шума, веселья, хорошего настроения, а иначе говоря, их отсутствие при встрече со снежной пургой (стих. «Пурга»). В стихотворении «Предзимье» автор приводит звуковое описание зимней тайги, зимы: *до весны притихшая тайга* – мы видим, что природа, в целом, описывается, как нечто живое, шумное, которое к зиме притихает в ожидании весны. М. Колесов при описании звуковой характеристики снега и снежной пурги использует прилагательное «негромкий», наречие «тихо», деепричастие «прохрипев» и в последнем примере поэт использует выражение «песню, чтобы встретится с пургой», можно предположить, что музыка может прибавить боевого духа, при встрече со снежной пургой.

Квебекская поэтесса Анна Эбер в своей поэзии нечасто использует звуковые описания природных явлений – снега и зимы. Но в ее стихотворениях при описании зимнего пейзажа нередко встречается прилагательное «mort», что может также обозначать загробную тишину снегов, и дает полное представление беззвучья зимней природы.

Для обоих поэтов снег и зима являются негромкими, хранящими тишину явлениями природы, для которых свойственны такие же скромные звуки, как: хруст, скрип, хрип и др.

Влажность/сухость. Признак влажности и сухости снега в поэзии северных поэтов выражается при помощи слов, денотативно связанных с жидкостью или ее отсутствием. В стихотворении «Пурга» М. Колесов при описании снегопада использует слово «льется», которое выражает интенсивность и плотность падающего снега:

С холодной, белой пелены
На землю льется снег.

Признак влажности снега также встречается в поэзии Анны Эбер. Квебекская поэтесса, описывая зиму, сменяющуюся весной, использует выражение «coulent au ruisseau» (пер. «стекать в ручей»):

Sous des masses de boue, vieille saison, vieux papiers, vieux mégots, vieux morts
coulent au ruisseau.

В этом отрывке зима представляет собой *старый сезон, старые бумаги, старые окурки, старые мертвые* – прошлое, старое, уходящее.

Встречается в анализируемых текстах также слова и выражения, оповещающие о сухости зимних пейзажей. Например, М. Колесов в своем стихотворении «Пурга» при описании северных краев использует выражение «стылый край»:

И если сможешь, приезжай,
Скиталец, в этот *стылый* край.

В стихотворении «Тишина» М. Колесова мы видим причастие «остывающих», относящееся к утихающему снегопаду:

Тихо падал белый снег,
С *остывающих* небес.

Признак уровня влажности и сухости снега и других составляющих зимы относится к регулярным признакам, так как он упоминается и при падающем снеге, лежащем и тающем.

Легкость/тяжесть. Данный признак относится ко всем состояниям снега и зимы. Например, М. Колесов в стихотворении «Мне снилось – я был снег» описывает сначала «пушистый, невесомый» снег (снегопад), олицетворяя юность, затем «тяжелые холода» поздней зимы, то есть лежащий снег, имея в виду зрелый период жизни:

Мне снилось - я был снег...
пушистый, невесомый,
я осыпался с утренних небес.

я не поднялся к Млечному пути
с *тяжелых холодов*, и вой пурги
срывал с моих ладоней словно дым,
негромкое тепло твоих следов...

Квебекская поэтесса использует аналогичное по смыслу слово «пушистый», описывая первый снег в стихотворении «Une petite morte» (пер. «Маленькая смерть»), что показывает легкость и мягкость снега:

C'est une enfant blanche dans ses jupes mousseuses...

Итак, в поэзии Севера, а конкретно в стихотворениях М. Колесова и Анны Эбер, цветовые оттенки, звуковые характеристики, влажность/сухость, тяжесть/легкость снега относятся к регулярным признакам снега и составляющих зимы, так как их описание упоминается в разных проявлениях снега и составляющих зимы (метель, пурга, холод и т. д.).

Далее, рассмотрим поэтическую фиксацию нерегулярных признаков снега и зимы, которые актуализируются не во всех проявлениях данных природных явлений. Характеристики глубины, плотности, мягкости снега рассматриваются в основном только при описании снежного покрова, то есть лежачего снега. А концептуальные признаки размера, формы, густоты, скорости движения снега, наблюдаются при описании снегопада, снега под действием ветра – движущегося снега. И лишь признак колкости/мягкости/пушистости снега встречается и при описании снежного покрова и при описании движущегося снега. В творчестве северных поэтов мы также будем рассматривать дополнительные, персональные признаки, присваиваемые поэтами снегу и зиме как природным явлениям.

В поэзии квебекской поэтессы Анны Эбер наблюдается множество нерегулярных и дополнительных признаков снега и зимы, например: отражение снежного покрова, глубина, чистота/загрязнение снежного покрова, чаще тающего снега, а также упоминаются функции снега. А эвенский поэт Михаил Колесов добавляет от себя такие признаки, как: пушистость/мягкость/колкость снега, температура снега, передаваемое снегом и зимой настроение, чистота/загрязненность, настроение передаваемое пургой (составляющим зимы), эмоциональная окраска зимы.

Рассмотрим сначала стихотворения Анны Эбер. В стихотворении «Vie

de château» (пер. «Жизнь замка») поэтесса при описании льда использует прилагательное «глубокий»:

Vois, ces glaces sont profondes

В произведении «Printemps sur la ville» (пер. «Весна в городе») автор описывает тающий снег, употребляя совсем непривычные для снега в поэзии слова:

Le jour charrie des neiges déchues, salies, moisies, ruinées

Анна Эбер образом «опавшего, грязного, заплесневелого, разрушенного» снега дает читателю понять, что все старое уходит, что все в природе сменяемо, то есть в этом описании снега говорится также и о зиме как о времени года, и о прошлом как о невозвратимом.

Противоположное описание снега наблюдается в стихотворении «Étrange capture», где автор вместо прилагательных «грязный, заплесневелый» использует эпитет «девственный снег», этим показывая нетронутость и чистоту снегов:

*On a tendu des filets de givre
Roulé des blocs de glace indigo
Brassé des millénaires de neige vierge...*

В данном отрывке мы видим, что образом снега автор хочет акцентировать внимание на нетронутость векового льда, с определением «vierge» снежный покров на льду в поэтическом языке снова обретает белый чистейший цвет, густоту, плотность и чистоту, и присваивает все упомянутые качества и льду.

В стихотворении «La neige» квебекская поэтесса описывает, в какое состояние водит людей снег, и какую силу снег имеет над людьми:

*La neige nous met en rêve...
La neige nous met en selle...
La neige nous sacre en haute-mer...
La neige nous met en magie...*

Анна Эбер в данном стихотворении показывает силу, магию снега, то, как снег может завладеть представлением, воображением и сознанием человека. Снег в «La neige» способен: заставить человека мечтать, приковать, проклясть и колдовать.

Эвенский поэт, Михаил Колесов, в своих стихотворениях больше обращает внимание на эмоциональные составляющие снега и зимы. Например, в стихотворении «Мне снилось – я был снег» автор рассматривает снег в трех его состояниях: падающий снег, лежащий и тающий. Каждое состояние снега олицетворяет отдельный период жизни: падающий снег – юность, лежащий – зрелость, тающий – старость. В стихотворении первый снег бывает чистым, легким и радостным:

Мне снилось - я был снег...
пушистый, невесомый,
я осыпался с утренних небес
сквозь эхо чистоты на лик Земли,
в предзимье одиночества, у гор.
Скрывая в сердце *радостный* простор.

Вторая строфа стихотворения включает в себя репрезентацию зрелого возраста через концептуальный образ снега в неподвижном состоянии. Автор упоминает признак температуры снега, указывая на его холодность, также на его равнодушное, неподвижное состояние:

Мне снилось - я был снег...
холодный, равнодушный...

В следующей строфе описана старость на примере образа тающего снега. Автор дает представление о тающем снеге, указывая на его признак отсвечивания солнечных лучей, и сопровождает такой эмоциональной окраской как «веселый» и способностью улыбаться, делать приятное окружающим:

Мне снилось - я был снег...
Усталый и веселый, я улыбался
солнечным ветрам,
весенней вышине шептал стихи,
искрился и мечтал у ног любви,
и верил в красоту и мир, я жил
и девушкам подснежники дарил...
Мне снилось - я был снег...
я таял, навсегда.

Признак температуры также упомянут в стихотворении «Тишина», где зимнее небо охарактеризовано словом «остывать», что может говорить раннем периоде зимы, только сменившим дождливую осень:

Тихо падал белый снег,
С остывающих небес,
Вздрыгнул снежный человек,
И воскликнул: - «Я воскрес!»...

В стихотворении «Страна снегов» мы видим похожий эпитет, ранее разобранный в стихотворении Анны Эбер «Étrange capture», со словом «чистый». М. Колесов употребляя название страны, первым делом, берет в расчет географическое положение России, находящейся, по большей мере, за полярным кругом. Данная характеристика относится и к зиме, и к снегу, так как оба природных явления относятся к образу описываемой северной страны:

В нашей белой и *чистой* России
Безмятежная воля снегов...

Признак чистоты снега и зимы напрямую связан со цветовой ассоциативным образом белого снега.

В стихотворении «Пурга» упоминается признак температуры зимнего неба, где вновь используется прилагательное «холодный», как и в стихотворении «Мне снилось – я был снег»:

Исчезло небо, нет вышины:
С *холодной*, белой пелены
На землю льется снег.

В данном стихотворении признак температуры актуализируется при снегопаде и относится к серому небу, откуда «льется», предвещая скорую снежную пургу:

Свирепый белый волк пурги
свой *начинает бег*...

Сквозь *бесконечный снежный дым*
стремится дикий вой.

Пурге присваиваются такие признаки, как скорость и эмоциональная окраска – свирепость/жестокость/дикость. Нерегулярный признак эмоциональной окраски жестокости/дикости упоминается в стихотворении «Две пути»:

В душе его кровь и злоба
и холод полярной мглы,

а в сердце его, проклятья
жестоких духов зимы.

Итак, анализ материала показал, что природное явление снег и время года зима имеют регулярные и нерегулярные физические концептуальные признаки, проявляющиеся, в случае со снегом, в падении, в покрове, в движении под силой ветра и в таянии, в случае с зимой, в пурге, метели, холоде, небе, лесу, ветре и т. д.

После изучения стихотворений Анны Эбер можно прийти к выводу, что она уделяет больше внимания на цвет («*blanche*», «*indigo*», «*nue*», «*blancheur étale*», «*ni couleur*», «*miroir limpide*»), текстуру («*mousseuses*», «*laiteuse*», «*neigeuse*», «*neigeix*»), чистоту/загрязненность («*limpide*», «*vierge*», «*salies*», «*moisies*») снежного покрова и тающего снега. А Михаил Колесов в своих стихотворениях актуализируют такие концептуальные физические признаки как: температура («я был снег... холодный», «тяжелых холодов», «остывающих небес», «с холодной <...> пелены», «морозную ночь»), звук («вой пурги», «негромкое тепло твоих следов», «тишиной облаков», «притихшая тайга», «дикий вой», «злобный смех», «прохрипел по сугробам»), цвет («белое-белое <...> облако-снег», «белой <...> России», «золотом <...> раю», «инеем рубиновым», «белой дошкой», «белой пелены», «белый волк пурги», «не оставил следов»).

2.3. Особенности хронотопа при описании снега и зимы

Учение пространства и времени является основополагающим элементом любых литературных исследований. Ни одно литературное произведение не существует вне пространственно-временного континуума. «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности», как писал М. М. Бахтин в своих учениях. В литературе компоненты хронотопа составляют важнейшую часть художественного образа, а разные образы, персонажи эволюционируют во времени и в пространстве.

Время. В поэтической речи северных поэтов временная характеристика при описании природных явлений снега и зимы занимает важное место. Упоминание промежутков времени указываются во всех состояниях снега: при покрове, падении, лежачем снеге, таянии и при движении под силой ветра. Авторы воссоздают временные особенности природных явлений снега и зимы в их различных состояниях, тем самым актуализируя разные стороны процесса отражения состояний. В исследуемых поэтических произведениях

авторы упоминают такие особенности как: длительность, цикличность и относительность.

В стихотворениях эвенского поэта М. Колесова очень часто можно заметить признак длительности, нескончаемости или же бесконечности зимы и снежного простора. Например, в произведении «День в тысячу лет» автор отрицает существование времени в горах, в зимней пустоши снегов, и утверждает, что время в горах властно лишь вечности, где дни протекают, как год, а год – как день:

В горах у нас *Вечность...*

Здесь времени нет.

Здесь лето и осень, зима и весна.

То день тут протянется в тысячу лет,

То *годы как день, и полвека уж нет.*

Длительность времен года и природных явлений в данном стихотворении измеряется в бесконечности. Здесь же описан признак цикличности снегов и зимнего периода:

Все *то же* бессмертное эхо чудес.

И *те же* тропинки, и *те же* снега...

И *те же* олени, и *те же* ветра

уже без меня пролетят перевал.

Признак длительности зимы и снежных просторов также описывается в стихотворении «Снежный бред» при поэтическом изображении снежного покрова: *Прохрипев по сугробам века*, - гротескное словосочетание «сугробам века» показывает продолжительность пребывания снега на почве и длительность зимы; также данное словосочетание отсылается на художественный образ вечности, так как точные координаты времени отсутствуют в данном описании.

В стихотворении «Мне снилось – я был снег» автор использует образ вечности при описании процесса таяния снега:

Мне снилось - я был снег...

я таял, *навсегда.*

Квебекская поэтесса Анна Эбер использует слово «Longtemps» при описании противостояния солнечных лучей с зимой, холодом и узорчатым инеем, показывая плотность, тяжесть, увесистость холодов, а также их

долговременное пребывание, из-за чего и тяжело солнечным лучам проникнуть в просторы «долгого» холода:

Longtemps on a pu voir son cœur jaune
Battre à travers le gel
Émettre d'étranges rayons froids...

Итак, признак длительности в поэзии М. Колесова и Анны Эбер используется при описании снежного покрова, лежащего и тающего снега; при описании зимы как времени года.

Важной временной особенностью в описании различных состояний снега, зимы и ее составляющих является их соотнесенность с другими явлениями природы. Так, следующий признак относительности показывает существующую связь между явлениями природы и временами года при описании снега и зимы. Например, квебекская поэтесса часто использует времена суток, чтобы актуализировать цвет, состояние или эмоциональную окраску при описании снега и зимы: *Midi aux carreaux d'argent* («La chambre de bois»), *Nous l'avons trouvée au matin* («Une petite morte»), *Le jour charrie des neiges déchues, salies, moisies, ruinées* («Printemps sur la ville»), *À l'heure du couchant/Avant qu'il ne bascule/Derrière l'horizon neigeux* («Étrange capture»). Тем временем, М. Колесов применяет признак относительности, актуализируя времена года. Например: *в предзимье одиночества, у гор* («Мне снилось – я был снег»), *До весны притихшая тайга* («Предзимье»). Уточняя времена года, автор добивается эффекта временной абстрактности, что заставляет читателя осмыслить, сколько долго продлится зима, если «предзимье» - только начало холодов, а в выражении «до весны» отсутствует точная характеристика временных координат, что добавляет еще большей абстрактности.

Пространство. В поэтическом языке понятия физического и духовного пространства являются необходимыми категориями при описании живого мира. В исследуемых стихотворениях пространство играет важную роль, определяя, где и в каких условиях развиваются события. В описании зимних пейзажей в поэтической речи неотъемлемой частью является изображение снега, пурги, метели и других составляющих зимы.

В поэзии эвенского поэта М. Колесова часто можно встретить понятие пространства, описанное через образ сна, грез, невозвратности и далекой от реальности действительности. Такое восприятие зимы у М. Колесова может объясняться кочевым образом жизни автора вдалеке от больших городов и длительными зимами. Например, в стихотворении «Реквием по волшебству» зимние события разворачиваются во сне «в золотом, загадочном раю». В

«Предзимье» описанные автором снежные горы «улыбаются во сне», а тающий снег во «Мне снилось – я был снег» искрится и мечтает у ног любви. Мечтательный тон в описании места происходящего и образы рая, любви и сна меняют ранее упоминавшийся злобный характер зимы. Поэт также упоминает физическое место нахождения холодов, зимы, снегопада - таким местом часто выступают горы:

в предзимье одиночества, у *гор*...

(«Мне снилось – я был снег»).

Пляшет снежный человек

Под безмолвием вершин...

Только *горы* и снега...

(«Тишина»).

Льдинками играя, речка катится,

Горы улыбаются во *сне*

Снова я свободным одиночкой

возвращаюсь в *горы*... далеко.

(«Предзимье»).

В *горах* у нас Вечность...

(«День в тысячу лет»).

Присутствует в поэзии М. Колесова и признак дальности, указывающий на ассоциативно возникающий образ при упоминании Севера и северных пейзажей:

Мне снилось – я был снег...

я не поднялся к *Млечному пути*.

(стих. «Мне снилось – я был снег»)

И за *далью* снежных снов,

Не видать нигде весны.

(стих. «Тишина»)

Снова я свободным одиночкой

Возвращаюсь в *горы*... далеко.

(стих. «Предзимье»)

Создавая визуальный эффект удаленности описанных в произведениях зимних пейзажей, автор добивается когнитивной импрессии о Севере как абстрактной далекой страной, где царят лишь белые просторы и холода. Север также изображается в поэзии М. Колесова молчаливым местом,

лишенным звукового разнообразия. Автор часто использует существительное «тишина» в описаниях географических характеристик сюжетов названий произведений. Например, стихотворение «Тишина», где описывается наступление зимы:

Пляшет снежный человек
под безмолвием вершин...

Только горы и снега,
И любовь не ждет нигде,
И на сердце, *тишина...*

В приведенных отрывках описаны два места, где с приходом зимы наступает и тишина: в окружающем мире и в сердце (внутреннее состояние лирического героя).

Изображение места протекания зимы Колесов также указывает в конкретном месте, то есть в стране. По мнению русских философов, историков, просторы российской земли во многом сформировали характер и видение российского человека. Так, Н. А. Бердяев утверждал: «Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства <...>. Русская душа подавлена необъятными полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности». У многих авторов имя Россия становилась концептуальным образом холода, Севера, просторов и снегов, также и у эвенского поэта М. Колесова. Описывая снежные просторы, автор несколько раз упоминает Россию, ассоциативно связывая ее с образом северной страны. Например:

В нашей белой и чистой России
Безмятежная воля снегов...
(стих. «Страна снегов»)

В стихотворении название «Страна снегов» является семантическим синонимом России. Далее в стихотворении «Пурга» Колесов вновь приводит подобный пример:

На землю льется снег.
По тундрам северной страны
С седой, полярной стороны,
Свирепый белый волк пурги
Свой начинает бег...

(стих. «Пурга»)

Географическое место протекания снегопада в данном стихотворении являются «тундры северной страны», то есть семантический синоним географического названия северо-восточной части России.

Подход к характеристике и описанию зимнего пространства квебекской поэтессы Анны Эбер отличается от подхода М. Колесова. Поэтесса детально не описывает точные географические данные, но указывает, куда могут унести сознание человека снежные мотивы: *où s'enroule mon enfance, Toute la rivière passe la mémoire* (стих. «La chambre de bois»), *Sonne l'enfance couronnée, la neige nous sacre en haute-mer* (стих. «La neige»). В поэзии Анны Эбер можно часто встретить, что упоминание о снеге или о зиме влечет за собой некое воспоминание из детства, ранней жизни лирического героя и самой поэтессы. Это может быть связано с детскими годами Эбер, проведенными в маленькой провинции Квебека в сорока километрах от Монреаля, а зрелую часть жизни поэтесса прожила во Франции. В стихотворении «Chambre de bois» мы находим, ранее упомянутый, признак невозвратности/дальности в выражении *sans retour*. А географическое местонахождение зимы и снега описывается в стихотворении «Étrange capture»:

Du côté du pôle arctique
On a remué le champ de neige
À perte de vue désirant prendre au piège le soleil...

Точное географическое указание места происходящего позволяет автору завладеть ассоциативно-когнитивным аппаратом читателя и указать ему желаемые импрессии.

2.4. Поэтическая концептуализация образов снега и зимы

Снег и зима как природные явления подвергаются художественному осмыслению во всех выделенных их состояниях и видах. Безусловно, каждый автор желает внести в свою поэзию уникальности, индивидуальное восприятие описываемых снега и зимы, однако это не меняет общих черт концептуализации в образном осмыслении явлений природы. Направление концептуализации определяется тем, что «выбирает субъект в качестве доминанты для отражения свойств окружающего мира» [34: 36]. Особенности поэтической концептуализации определяются свойством вторичности, присущим любым художественным текстам. Определенно,

поэтический образ создается в сравнении двух или более предметов, а его специфика определяется в установлении компаративных отношений, иногда неожиданных, между объектом осмысления и предметом, с которым он сравнивается. Именно «компаративиты», привлеченные для создания образа [25: 83], могут быть систематизированы в качестве доминант направления поэтической концептуализации. Доминантами выступают те признаки, функции и свойства объектов или сами объекты и явления, которые отбираются ассоциативным путем для индивидуализации описываемых явлений действительности. Данный метод дает возможность определить общие черты и в характерной мере выявить особенности индивидуального осмысления автором снега и зимы как явлений природы в поэзии.

В поэзии исследуемых северных авторов определенные направления поэтической концептуализации природных явлений как снег и зима встречаются с разной видимой регулярностью и частотностью. В творчестве Анны Эбер чаще представлены тающий снег и снежный покров, чем описаны первый снег, падающий снег, под действием силы ветра и другие составляющие зимней погоды. В поэзии эвенского автора М. Колесова образы снега и зимнего времени наблюдаются чаще, чем у Анны Эбер. Эвенским поэтом описываются многократно: пурга, снегопад, снежный покров, незначительное количество контекстов составляют, те в которых изображается тающий снег. Однако, квебекская поэтесса описывает явления снега и зимы в образном осмыслении реалий жизни, например, сопоставляя снег с образом легкой ностальгии о детстве, тающий снег с наступлением новой жизни и др.

Концептуальный признак снега ‘падение’. Образ падающего снега и первого снега описывается чаще в поэзии Колесова. Образному осмыслению подвергаются вес, звук, состояние неба и место, куда осыпается снег. В стихотворении «Мне снилось – я был снег» автор описывает явления снегопада и первого снега, сопоставляя с юными годами жизни человека:

Мне снилось - я был *снег*...
пушистый, невесомый,
я осыпался с утренних небес
сквозь эхо чистоты на лик Земли,
в предзимье одиночества, у гор.
Скрывая в сердце радостный простор.

Автор берет во внимание вес снега: «пушистый», «невесомый», «осыпался», - что позволяет подчеркнуть невинный, легкий образ юности.

Также использованные поэтом метафора «эхо чистоты» и эпитет «радостный простор» добавляют образу осмысления большой потенциал юного возраста.

Следующий пример концептуального признака 'падение' проявляется в стихотворении «Тишина», где автор уделяет внимание звуку и цвету снега, придавая описываемому образу отстраненности, одиночества и безмолвной кротости. В данном случае концепция снегопада символизирует покой и одиночество:

Тихо падал белый снег
с остывающих небес,
Вздрыгнул снежный человек
и воскликнул: - “Я воскрес!”
И за далью снежных снов,
Не видать нигде весны.

В стихотворении «Пурга» поэт актуализирует интенсивность, скорость снегопада глаголом «льется». В данном примере «льющийся снег с белой пелены» является предвестником пурги и опасности:

Исчезло небо, нет вышины
с холодной, белой пелены
на землю льется снег.
По тундрам северной страны
с седой, полярной стороны
свирепый белый волк пурги
свой начинает бег...

Каждый из представленных концептуальных символов падающего снега, являясь объектом индивидуального восприятия авторов, представляет разные направления его поэтического осмысления. Различные явления, с которыми сопоставляется снегопад, подчеркивают отдельные стороны данного состояния снега и передаваемую эмоциональную окраску окружающему миру.

Концептуальный признак снега 'покров'. Поэтические осмысления снежного покрова авторы, бесспорно, описывают по-разному, придавая совершенно разные характеристики и символы. Например, в стихотворении квебекской поэтессы Анны Эбер «Une petite morte» (пер. «Маленькая смерть») описано явление первого снега, которое было обнаружено рано утром у порога дома:

Une petite morte s'est couchée en travers de la porte.

Nous l'avons trouvée au matin, abattue sur notre seuil
Comme un arbre de fougère plein de gel.

Первый снег в данном произведении символизирует конец беззаботных дней и обреченность на терпеливое ожидание новой жизни. Данный образ достигается благодаря метафоре, описывающей образ первого снега «une petite morte». Прилагательное «petite» (пер. «маленький») символизирует начало зимы, негустой снежный покров; можно предположить, что зима будет описана метафорой «une grande morte» (стих. «большая смерть»).

Характерной особенностью поэтического языка Анны Эбер при описании снега является ностальгический тон и уязвимость воспоминаниям. Данный феномен можно заметить в стихотворении «La page blanche», где снежный покров у автора ассоциируется с определенным человеком, с его тонким силуэтом:

Lisse neigeuse à perte de vue
Belle page étale
Ne vient que la finesse de tes os
Subtile apparition...

Образ снежного покрова в поэтическом языке имеет некоторые устоявшиеся концептуальные символы. С давних времен характерным представлением о зиме является сонный период или «маленькая смерть», описанная в стихотворении Анны Эбер - время, когда в природе все засыпает и умирает. А концепт снежного покрова воссоздается в образах покрывала, постели, одеяла, могилы, белой ткани, как например, в стихотворении «Реквием по волшебству» М. Колесова, где соприкасаются образы снежных гор, долин и сна:

Пусть вам снятся
Снежные павлины,
В золотом, загадочном раю.
Сказочные горы и долины...

В стихотворении «Предзимье» М. Колесова мы замечаем образ притихшей, сонной тайги – характерное описание зимнего леса:

Стрелами хрустальными утыкана
до весны притихшая тайга.

В поэзии северных поэтов снежный покров изображается через представление снежной могилы – образ смерти (стрелами утыкана тайга), и через представление снежного покрывала – образ сна (хрустальные стрелы должны растаять весной). В анализируемых произведениях наблюдаются и другие образы, сопровождающие состояние снежного покрова в поэтическом языке М. Колесова и А. Эбер, но они обладают меньшим количеством контекстов.

Концептуальный признак снега ‘таяние’. Таяние снега у поэтов часто ассоциируется с новым началом, этапом жизни, так как данное явление напрямую связано с весной. Однако поэтическая концептуализация процесса таяния снега осуществляется и в других направлениях, например, в стихотворении «Printemps sur la ville» Анна Эбер изображает тающий снег грязным, старым и сгнившим: «Le jour charrie des neiges déchues, salies, moisies, ruinées». Данная интерпретация тающего снега представляет собой старое, прошлое, возможно, негативные воспоминания, опыт, который заменяется новым этапом, главой: «Le gel s'ouvre les veines, et le cœur de la terre se dégage parmi les sources bousculées».

В стихотворении эвенского поэта М. Колесова «Мне снилось – был снег», где автор актуализирует цикл жизни – три главных состояния снега: падение, покров, таяние, - сопоставляя с тремя основными периодами жизни: молодость, зрелость и старость. Под образом тающего снега автор описывает старость: процесс таяния снега сравнивается с увяданием человека:

Мне снилось - я был снег...
я таял, навсегда.

Концептуальный образ ‘пурга’. Концепт пурги отличается большим разнообразием смысловых оттенков, изображающих зимнюю непогоду. Наиболее частой репрезентацией пурги в поэтическом языке является сравнение метели с живым существом в состоянии эмоционального буйства. Поэты подчеркивают различный характер пурги с эмоциональной окраской: преимущественно негативной. Например, в стихотворении «Пурга» М. Колесова описано наступление метели и преобразование природы с ее приближением. В концептуальном образе пурги мы видим авторское сопоставление с диким волком, наступление метели – свирепый бег, свист ветра – волчий вой:

Свирепый белый волк пурги
свой начинает бег...

Сквозь бесконечный снежный дым
сстремится дикий вой.

В стихотворении концепт пурги сопровождается с такими эмоциональными окрасками как: свирепость - *Свирепый белый волк пурги*, печаль - *И сердце чувствует печаль*, дикость/убийственность - *Стремится дикий вой*.

Словосочетание «вой пурги» встречается и в стихотворении «Мне снилось – я был снег», где пурге также дается негативный, злобный окрас:

...и вой пурги
срывал с моих ладоней словно дым,
негромкое тепло твоих следов,
под злобный смех безжалостных богов.

Поэтический язык эвенского поэта при описании пурги и метели включает в себя образы печали, свирепства; М. Колесов ассоциирует силу и мощь пурги со свирепым, диким волком, нагоняющим сердцу печаль. Квебекская поэтесса в своем творчестве не упоминает ни образа пурги, ни свирепого ветра.

Концептуальный образ 'лед'. Концепт льда часто в поэзии сопровождается прилагательными «зеркальный», «прозрачный», «чистый», и сравнивается с зеркалом, стеклом, тканью, гладью. Квебекская поэтесса Анна Эбер неоднократно использует в своей поэтической речи образ льда, ледника. Возьмем, к примеру, стихотворение «*Une petite morte*», где автор использует литературный троп – перефразу «*miroir limpide*», заменяя существительное «лед». А в стихотворении «*Vie de château*» поэтесса описывает лед глубоким, как старый зеркальный шкаф, скрывающим в себе несколько умерших под оправой:

Vois, ces glaces sont profondes
Comme des armoires
Toujours quelque mort y habite sous le tain
Et couvre aussitôt ton reflet
Se colle à toi comme une algue.

Сравнивая толстый лед с зеркальным шкафом, автор актуализирует качество древности, исторической плотности льда: как и зеркало, лед, отражая, все то, что проходит и происходит по ту сторону льда, хранит в себе историю последней зимы. В стихотворении «*Étrange capture*» Эбер приписывает льду характеристику цвета – индиго. В контексте произведения лед является одним из предвестников конца света – зимы:

On a tendu des *filets de givre*
Roulé des blocs de *glace indigo*
Brassé des millénaires de *neige vierge*
Tout un appareillage de *fin du monde*.

В этом же стихотворении лед представлен в образе прозрачной клетки, вместившей в себя полярный круг. Данная метафора придает описываемому льду цветовые оттенки полярной палитры цветов, но прилагаемый образ клетки приписывает иные характеристики как умение завлекать, запирает, втягивать, лишать, привлекать, не выпускать:

Le soleil fut appréhendé
Au plus vif du cercle polaire
Mis en cage dans un *glacier transparent*.

В поэзии эвенского поэта не встречается ни концептуального образа льда, ни ледников.

Концептуальный образ ‘горы’. В рассматриваемых литературных произведениях образ гор часто описывается в зимних пейзажах, и является составляющим объектом зимы, как времени года. Геоландшафт и климатические условия местности одни из главных элементов формирующих мировосприятие людей, живущих в тех или иных краях, то есть данные факторы также влияют на творчество, искусство и поэзию тех народностей. Поэтический образ гор является излюбленным объектом описания всех авторов, выразительно передающий эмоциональный характер и душевное состояние лирического героя и самого поэта. Интерпретация концептуального образа гор является всегда индивидуальным контекстом, смыслом автора. Например, в поэтическом языке эвенского поэта-кочевника Михаила Колесова образом гор интерпретируются такие абстрактные понятия как: одиночество, даль, бесконечность.

В стихотворении «Мне снилось – я был снег» достигается описание концептуального образа горы – одиночество с помощью простого пояснения: «в предзимье одиночества, у гор». Аналогичную концептуальную единицу мы также замечаем в стихотворении «Тишина», в отрывке:

А вокруг везде, везде,
Только горы и снега,
И любовь не ждет нигде,
И на сердце, тишина...

Автору удалось изобразить одиночество наречиями «везде, везде, только» и «нигде». Первая комбинация наречий показывает наличие лишь гор и снегов, следовательно, - скорее изолированное место, где ничего

физического нет поблизости, второе наречие «нигде» лишь подтверждает отсутствие чувственного, эмоционального – любви, то есть изображено присутствие физического и эмоционального одиночества.

Следующая концептуальная единица горы – даль очень четко представлена в стихотворении «Предзимье»: «Возвращаюсь в горы... далеко». Наречие «далеко» не только указывает направление гор, но и является синонимом «гор» (исключительно в этом примере), так как оба направления «горы» и «далеко» отвечают на вопрос <куда?> .

Концептуальная единица горы – бесконечность подробно описана в стихотворении «День в тысячу лет», где автор дает характеристику действующему времени в горах, а точнее говорит о его отсутствии:

В горах у нас Вечность...
Здесь времени нет.
Здесь лето и осень, зима и весна.
То день тут протянется в тысячу лет,
То годы как день, и полвека уж нет.

Данная характеристика может также быть связана с неменяющимся кочевым традиционным образом жизни народов, проживающих в описываемой автором горной местности. Внушающие историю многовековые скалы, горы свободные и независимые от времени ассоциируются у автора с вечностью, с миром.

Поэтические тексты, рассматриваемые как мегатекст, содержат информацию об одном и том же природном явлении, демонстрируют тождество, понимаемое как единство вариантов [9] художественного осмысления. Это выражается в преемственности и развитии одних и тех же концептуальных образов, языковых синтагм, используемых поэтами разных литературных школ и направлений, и в то же время, в пополнении, обновлении поэтических средств, указывающих на индивидуальность и субъективность поэтического видения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Во второй главе нами был проведен комплексный лингвокультурный анализ концептов «зима» и «снег» в поэзии эвенского и квебекского авторов М. Колесова и А. Эбер. В ходе нашего исследования мы изучили природу концептов «зима» и «снег» в квебекском и эвенском устном творчестве, проанализировали характер репрезентации физических свойств данных природных явлений в поэтическом языке, выявили характерные особенности хронотопа при описании зимы и снега, и разобрали поэтическую концептуализацию образов зимы и снега.

При сопоставлении двух лингвокультур в контексте устного творчества, мы выявили, что многие образы зимнего пейзажа в эвенском и квебекском языке похожи своим концептуальным толкованием, например, из рассмотренных легенд мы узнали, что наличие плотного снега может символизировать спокойствие и гармонию; метель в обеих северных культурах предвещает скорые неприятности, беду, потерю; снегопад обладает магическими свойствами, и может сбить путника с пути или направить на верный путь. Были также рассмотрены эвенские и квебекские пословицы и поговорки, которые дополнительно обосновали наше предположение о том, что концепты «зима» и «снег», в анализируемых лингвокультурах, имеют схожие концептуальные толкования.

Подробно ознакомившись с творчеством двух северных поэтов, мы разобрали 8 стихотворений Анны Эбер и 10 – М. Колесова. Стихотворения были отобраны по методу сплошной выборки, с учетом наличия в произведениях образов зимы и снега.

Анализ поэтических текстов показал, что снег как явление природы описывается в четырех состояниях, соответствующих его природным свойствам: падение, покров, движение под действием ветра, таяние. А частыми элементами зимы, встречающимися в поэтических текстах, являются: пурга, метель, снег.

Был проведен детальный анализ физических свойств исследуемых концептов. Мы выделили две основные категории признаков – регулярный, нерегулярный признаки. К регулярным физическим признакам снега мы отнесли: цвет, звук, влажность/сухость, легкость/тяжесть. К нерегулярным – запах, температура, густота, плотность/рыхлость, состояние поверхности покрова, форма и размер снежинок, скорость, движение, мягкость/колкость. А также к регулярным признакам зимы мы отнесли: холод и наличие снега; к нерегулярным – метель, пурга, серость, гололед, иней, горная местность и др.

Мы разобрали особенности хронотопа в поэзии Севера: координаты времени и места при описании зимних пейзажей. Изображение места является важной частью поэтического языка при описании природных явлений, оно позволяет понять, к какому эмоциональному состоянию образы снега и зимы привлекают автора. Также важной частью поэтического языка является роль времени, в нашем анализе мы разделили признак времени, упоминающийся при описании снега и зимы, на следующие категории: цикличность, длительность, относительность. Данные признаки регулярно встречаются в описаниях всех состояний снега и составляющих зимы.

И в завершении, нами был проделан подробный анализ поэтической концептуализации зимы и снега: с какими эмоциями поэты ассоциируют, характеризуют данные явления. Например, в поэзии Анны Эбер часто наблюдаются воспоминания, связанные с детством, а в стихотворениях М. Колесова мы замечаем, что описания зимы и снега всегда идут с образами тишины и одиночества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом нашего исследования являются концепты «зима» и «снег» в поэтических текстах эвенского и квебекского поэтов. В начале нашего анализа мы поставили перед собой цель изучить поэтическую многогранность концептов «зима» и «снег» в стихотворениях северных авторов.

В процессе нашей работы мы проанализировали разные толкования термина «концепт», изучили работы известных лингвистов по типологии концепта, рассмотрели феномен актуализации концепта в языке. Также мы провели лингвокультурный анализ концептов «зима» и «снег» в поэзии северных авторов, где рассмотрели концептуальные образы «зима» и «снег» в устном творчестве, выявили репрезентации физических признаков исследуемых концептов в поэтическом языке северных поэтов, изучили особенности хронотопа при описании образов зимы и снега, и выяснили поэтическую концептуализацию данных природных явлений.

В ходе данной работы мы применяли такие методы, как метод сплошной выборки, описательный метод с элементами интерпретации, метод статистического анализа, традиционный метод выявления семантического поля, а также контекстуальный и этимологические анализы.

В качестве материалов исследования нами были использованы стихотворения эвенского и квебекского авторов, М. Колесова и А. Эбер, научные работы лингвистов по теме «концепт», эвенское и квебекское народное творчество (пословицы, поговорки, легенды и мифы), русские и французские словари.

В первую очередь, нам хотелось бы сделать вывод, что концепт является сложной структурой с неоднозначной классификацией и толкованием, так как концепт подразумевает единицу ментального порядка, мыслительное образование. Анализ каждого индивидуального концептуального образа помогает определить термин концепта и определить его характеристики.

Итак, мы изучили множество научных работ по теме «концепт», охарактеризовали различные подходы к типологизации концептов и их актуализации, и пришли к выводу, что проблема определения концепта остается актуальной и в наши дни. В данной работе мы определили термин «концепт» как конечный результат союза языкового и мыслительного аппаратов, мыслительное образование, что объясняет метафоричность и полную индивидуальную независимость концепта. Используя этимологический анализ, мы обнаружили, что данные слова «концепт» и «понятие» являются этимологически родственными, но концепт является

более сложным явлением с обширной глубиной содержания, так как рассматриваются разделы ассоциативного мышления человека.

Проведенное нами исследование носит лингвокультурологическую характеристику, включающую в себя анализ культурных и лингвистических аспектов концептуальных образов «зима» и «снег». В ходе исследования нами были выделены основные компоненты концептов «зима» и «снег», содержащиеся в поэтическом языке М. Колесова и А. Эбер. У Анны Эбер исследуемые концепты часто сопровождаются образами из детства и недалекого прошлого, а у М. Колесова зимние пейзажи ассоциируются с понятиями тишины, спокойствия и одиночества. Ассоциации с образами зимы и снега, возникающие у квебекской поэтессы объясняются тем, что детство Эбер провела в снежной провинции Квебека, а зрелый отрезок жизни – во Франции, где зима сильно отличается от канадской.

Мы разобрали репрезентации физических свойств снега и зимы в поэзии, и выяснили, что каждый физический признак снега может иметь свое особое образное толкование и передавать эмоции и состояние лирического героя и автора. А компоненты зимы могут интерпретировать настроение самого произведения. Все физические состояния снега и зимы привлекаются для чувственного, эмотивного изображения природы бытия. Свои положения в анализе мы аргументировали отрывками из стихотворений, интерпретируя содержание текста.

Не менее важным этапом нашего анализа стал разбор особенностей хронотопа при описании снега и зимы, в ходе которого мы пришли к выводу что, желание подчеркнуть самобытность, описываемого явления, дать образное определение таких категорий, как неизбежность, цикличность, относительность, длительность выражаются в описаниях времени в образах компонентов зимы и состояний снега. А роль пространства играет важнейшую роль, так как только описание места позволяет понять, к какому эмоциональному состоянию образы снега и зимы привлекают автора, приводя его к образному отречению от действительности.

Итак, завершая наш анализ, мы видим, что концепты «зима» и «снег» являются многогранными в своем понимании, и интерпретируются в зависимости от физических, временных и пространственных признаков. На основании всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что цель нашей работы достигнута. Также мы убедились, что тема нашего исследования является малоизученной и актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI–XVIII в.: очерк сравнительной истории колонизаций. – СПб., 2010.
2. Акимов Ю.Г. Истинный север, сильный и свободный: фактор северности в формировании канадской идентичности / Ю.Г. Акимов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – Вып. №1. – С. 1.
3. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социс. – 1998. – №2. – С. 49–54.
4. Аскольдов С.А. Концепт и слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. проф. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - 267-279 с.
5. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 234 – 407 с.
7. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. // Вопросы когнитивной лингвистики. / Под ред. проф. Болдырева Н.Н. - №1. - Тамбов: ООО «РАЛК», 2004. -18-36 с.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва под ред. Т.В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 263-305 с.
9. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. - М.:Наука, 1976.
10. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. - 236 с. Степанов Ю.С. Слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. - М.: Academia, 1997. - 288-305 с.
11. Дегальцева Е. А. Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века). – Бийск.: Бийский технологический институт. // Liberal arts in Russia Vol. 1. No. 1, 2012.
12. Доржиева Г. С. Концепт «Северность» в региональной топонимии Квебека. – М.: Вестник МГУ сер. 19, 2008.
13. Исаева Е. В. Концепт «холод» в русской и франко-канадской картине мира (на материале исторических документов Новой Франции и Сибири XVII-XVIII вв.). – М.: Вестник бурятского государственного университета сер. 6А, 2015

14. Калашникова Л.В. Лингвистическое понимание концепта. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2008, №1: в 2-х ч. Ч. I. - 98-100 с.
15. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград-Архангельск, 1996. - 3-15 с.
16. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. - Волгоград: Перемена, 2001. - 3-16 с.
17. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: Изд. ВГУ, 2001. - 75-80 с.
18. Коленеко В. А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII–XX века. – М., 2006.
19. Колесов М. Стихотворения: сайт. – URL: <https://stihi.ru/avtor/ohotnik65>. Текст: электронный.
20. Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций). // Языковая личность: проблемы креативной семантики. - Волгоград, 2000. 65-72 с.
21. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: Изд. МГУ, 1996. - 245 с.
22. Лихачёв Д.С. Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы. / Под ред. Д.С. Лихачёва. – СПб.: «Алетейя», 1997. - 342-403 с.
23. Максимова Д.Д. Север как неотъемлемая часть канадской идентичности // Первая Таймырская музейная интернет-конференция (ТМИК) с междуна- родным участием: Сферы взаимодействия Таймырского краеведческого музея: традиции, современность, новации. Сб. трудов / Отв. ред. Л.А. Чурилова. – Дудинка, 2012. – С. 79–82.
24. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
25. Морозова Н. С. Эволюция эстетического поля денотативного класса <снег>: дис. канд. филол. наук / Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010.
26. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма. // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Межвуз. сб. науч. тр. - Омск: ОмГПУ, 1998. - 80-85 с.

27. Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике. – Сборник «Язык, сознание, коммуникация», №21, МГУ, 2002. – 25 с.
28. Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. - Магаданское книжное издательство, 1987. - 89 с.
29. Овешкова А. Н., Старкова Д. А. Образ зимы сквозь призму времени в современной русской поэзии (на материале произведений И. Кнабенгофа). - Вестник ЮУрГУ, № 25, 2012.
30. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. - 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
31. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. - М.: «Восток - Запад», 2007. - 314 с.
32. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык как национальная картина мира. - Воронеж: Истоки, 2002. - 59 с.
33. Селиванова С. И. Русский фольклор: основные жанры и персонажи. - М.: Университ. книга; Логос, 2008. - 200 с.
34. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира: Монография- Архангельск: Поморский университет, 1998. - 337 с.
35. Сказки и легенды Квебека: сайт. – URL: <http://legendes-quebecoises.emonsite.com/blog/cuisine/>. Текст: электронный.
36. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и её единицы. // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. - Волгоград: Перемена, 1999. - С. 18-26.
37. Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота. // Гендер как интрига познания (гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации): Альманах. - М.: Изд. МГЛУ, 2002. - С. 66-73.
38. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М.: Просвещение, 1975. - 271 с.
39. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 824 с.
40. Толочко О.В. Образ как составляющая концепта «школа». // Языковая личность: проблема лингвокультурологии и функциональной семантики. - Волгоград: Перемена, 1999. - С. 178-181.
41. Хазанкович Ю. Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера. – Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2017.

42. Худяков А.А. Понятие и концепт: опыт терминологического анализа. // Филология и культура: Мат-лы III междунар. конф. Ч. 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2001. - С. 32-37.
43. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени: Монография. - М.: Изд. МГУ, 1997. - 320 с.
44. Хохлова Н.В. Лексическое значение и внутренняя форма как способы концептуализации мира природы (на материале говоров архангельской области): авторефер. дис. канд. филол. наук / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова.— Архангельск, 2004. - 24 с.
45. Щёболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира // Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата филолог. наук. – Ростов-на Дону, – 2008.
46. Шохина Е. В. Зима как отражение русского национального характера в поэзии начала XIX века. - Вестник удмуртского университета, 2015.
47. Hamelin, Louis-Edmond : Écho des pays froids, Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval, 1996.
48. Chartier D. Du silence et des bruits: le Nord est silencieux. L'imaginaire du Nord et du froid en musique : esthétique d'une musique nordique. – Montréal: Volume 14, 2013.
49. Chartier D. The gender of Ice and Snow. Imaginaire Nord. – Montréal: Journal of Northern studies, 2008. - 29-49 pp.
50. Chartier D. Le(s) Nord(s) imaginaire(s). – Montréal: L'Harmattan, 2008
51. Chartier D. La nordicité culturelle du Québec. – Montréal: Imaginaire/Nord, 2016
52. Hébert A. Oeuvre poétique 1950-1990: Montréal. – Boréal compact, 1992.

